

Научная статья
УДК 902.2
DOI 10.46698/VNC.2026.32.13.001

Жреческая прослойка в западном ареале кобанской культуры предскифского и раннескифского времени: зооморфные украшения как признак сакрального статуса

Беслан Натбиевич Макоев

Кабардино-Балкарский государственный университет, Культурно-образовательный центр «Эрмитаж-Кавказ», научный сотрудник, Россия, Нальчик, makoev.beslan98@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению жреческой прослойки в западном ареале кобанской археологической культуры предскифского и раннескифского времени. На основе анализа погребального обряда и инвентаря могильников Нижний Чегем, Мебельная фабрика, Индустрия-1, Лермонтовская скала, Нарзанный 2, Клинь-Яр 3 и Верхний Куркужин определены ключевые признаки захоронений служителей культа. Установлено, что главным маркером высокого сакрального статуса выступают зооморфные украшения, отражающие представления о трехчастном устройстве мира. Жрецы не составляли обособленной касты, а входили в состав конной аристократии и пешей знати, совмещая культовые обязанности с военно-управленческими функциями. Полученные результаты уточняют картину социального расслоения западнокобанского общества и открывают перспективы для пересмотра устоявшихся в науке стереотипов.

Ключевые слова: западнокобанская культура, социальное ранжирование, жреческая знать, зооморфные украшения, погребальный инвентарь, ранний железный век

Для цитирования: Макоев Б.Н. Жреческая прослойка в западном ареале кобанской культуры предскифского и раннескифского времени: зооморфные украшения как признак сакрального статуса // Вестник Владикавказского научного центра РАН. 2026. Т. 26. № 3. С. 70–76. DOI 10.46698/VNC.2026.32.13.001

Priestly stratum in the western area of the Koban culture of the pre-Scythian and early Scythian periods: zoomorphic ornaments as a sign of sacred status

Beslan N. Makoev

Kabardino-Balkarian State University, Hermitage-Caucasus Cultural and Educational Center, Researcher, Russia, Nalchik, makoev.beslan98@mail.ru

Abstract. This article examines the priestly stratum in the western area of the Koban archaeological culture of the pre-Scythian and early Scythian periods. Based on an analysis of the burial rites and grave goods from the Nizhny Chegem, Mebel'naya Fabrika, Industriya-1, Lermontovskaya Skala, Narzanny 2, Klin-Yar 3, and Verkhny Kurkuzhin burial grounds, key features of the burials of cult practitioners have been identified. It has been established that zoomorphic jewelry, reflecting the concept of a tripartite worldview, is the main marker of high sacred status. Priests did not constitute a separate caste, but were part of the equestrian aristocracy and foot nobility, combining ritual duties with military and administrative functions. The obtained results clarify the picture of social stratification in Western Koban society and provide grounds for reconsidering established scholarly stereotypes.

Keywords: Western Koban culture, social ranking, priestly nobility, zoomorphic jewelry, funerary goods, Early Iron Age.

For citation: Makoev B. N. Priestly stratum in the western area of the Koban culture of the pre-Scythian and early Scythian periods: zoomorphic ornaments as a sign of sacred status // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS. 2026. Vol. 26. No. 3. P. 70–76. DOI 10.46698/VNC.2026.32.13.001

ВВЕДЕНИЕ

В конце I тыс. до н. э. в кобанской археологической культуре Северного Кавказа, в т. ч. в ее западном ареале, наблюдается значительный рост экономики и хозяйственной деятельности. Экономика

развивалась за счет использования террасного земледелия, увеличения поголовья крупного и мелкого рогатого скота. Вследствие экономического роста увеличивалась и плотность населения. Осваивались новые земли в предгорных и низкоргорных территориях.

Наверное, одним из наиболее значимых для кобанцев занятий являлась добыча и обработка металла. В верховьях рек Малки и Баскан, а также по их притокам, находились выходы железных, медных и полиметаллических руд. Рост экономики и развития обмена и культурных связей с соседними и дальними областями неизбежно вел к появлению неравенства в западнокобанском обществе.

Начиная с VII в. до н. э. местное, автохтонное население Центрального Предкавказья сталкивается с кочевническими племенами юга Восточной Европы. Под влиянием кочевников усиливается динамика социального расслоения кобанского общества. Постоянные контакты со скифами, как военные, так и мирные, вполне закономерно способствовали усилению и росту социально-потестарной части кобанского общества – конных военных предводителей родов и племен, а также, вероятно, жреческой знати.

Актуальность исследования социального ранжирования западнокобанского общества, в частности жреческой знати, заключается в необходимости преодоления устоявшихся в региональной исторической науке стереотипов. Сделанные советскими учеными-исследователями обобщения и выводы основывались на ограниченной эмпирической базе, они требуют пересмотра в свете новых полевых открытий.

Проведенные исследования и анализ погребального обряда и сопутствующего инвентаря показывают перспективность дальнейшего углубленного изучения социально-ранговой структуры общества обитателей западного ареала кобанской археологической культуры в предскифское и раннескифское время.

Главная цель исследования состоит в выявлении материальных социально-ранговых маркеров и применении их для характеристики погребений жреческой касты начала раннего железного века в изучаемом районе. Безусловным маркером погребений данной касты являлась пышность погребального инвентаря и наличие в нем зооморфных украшений или символов власти – молотков-топориков, не имеющих боевых характеристик. Вообще анализ украшений сам по себе позволяет достоверно реконструировать ареал расселения носителей кобанской археологической культуры, ее особенности, модификации некоторых категорий украшений, что свидетельствует об их динамичности в развитии, т. е. дает ответ на ряд важнейших вопросов.

Изучением социально-ранговой структуры западнокобанского общества занимался ряд отечественных археологов-кавказоведов, таких как Е.И. Крупнов, В.И. Козенкова, С.Л. Дударев, А.Б. Белинский.

Основы понимания социальной организации населения Северного Кавказа эпохи поздней бронзы и начала раннего железного века заложил Е.И. Крупнов. Он связывал рост числа поселений и демографический рост в VI–V вв. до н. э. с развитием производства и освоением железа, которое началось еще в I тыс. до н. э. Становление патри-

архальных обычаев ученый относил к более раннему времени. Усложнение межплеменных связей и оживление обмена, по его мнению, стали главными причинами социального расслоения и появления родовой аристократии [10, с. 338–339].

В.И. Козенкова также пришла к выводу, что в первой половине I тыс. до н. э. кобанцы находились на стадии распада патриархально-родовых отношений. Основной хозяйственной единицей была большая патриархальная семья, тесно спаянная родством. О заметном имущественном неравенстве внутри общины, по ее мнению, говорят богатые и бедные погребения, а также находки кладов на поселениях того времени [8, с. 25]. Кроме того, В.И. Козенкова, опираясь на космогонические представления кавказских народов, полагала, что скульптуры животных в погребальном инвентаре символизируют один из трех миров – верхний, средний или нижний, – вместе составляющих древо жизни [9, с. 13].

Характерной чертой погребений жреческой знати С.Л. Дударев и А.Б. Белинский считали наличие зооморфных украшений. Жрецы, несомненно, относились к высшим слоям кобанского общества. Ими могли быть не только женщины с богатым погребальным инвентарем, но и представители военной верхушки. То есть внутри жреческой прослойки западнокобанского общества необходимо различать мужские и женские захоронения. Погребальный инвентарь мужчин, относившихся к I и II социальным группам кобанского общества (конная аристократия и пешая знать), отражает совмещение военных, управленческих и жреческих обязанностей. Безусловными маркерами погребений воинов-жрецов выступают пышность сопроводительного инвентаря, присутствие в нем оружия (для I группы) и конского снаряжения, а также наличие либо зооморфных украшений, либо символов власти – молотков-топориков, лишенных боевых качеств и нередко украшенных солярными знаками. Женщины-жрицы, напротив, не совмещали разнородных общественных функций и сосредотачивались преимущественно на врачевательных и шаманских практиках. Их погребения выделяются богатым набором инвентаря, в котором главным маркером служат зооморфные украшения, амулеты, раковины каури и иные предметы культового значения. Именно по этому признаку С.Л. Дударев и А.Б. Белинский описывают обряд погребения 14-го могильника Клинь-Яр III [7, с. 88].

После изучения погребального обряда могильников кобанской археологической культуры, ее западного ареала распространения нами была разработана условная схема социальной стратификации западнокобанского общества, в которой насчитывается пять групп:

- I группа – конная аристократия;
- II группа – пешая знать;
- III группа – рядовые воины;
- IV группа – рядовые общинники;
- V группа – бедняки.

В данной статье нами осуществлена работа по выявлению и характеристике погребального обряда и инвентаря жреческой знати, входящей в конную аристократию и пешую знать, западнокобанского общества в ее западном ареале распространения.

Таким образом, при социально-ранговой интерпретации описанных ниже жреческих захоронений нами частично использованы критерии, предложенные ранее С.Л. Дударевым и А.Б. Белинским.

Итак, погребения жреческой знати, входившей в две высшие социально-ранговые группы западнокобанского общества (конную аристократию и пешую знать), подразделяются на мужские и женские. Для каждой из этих категорий характерен особый набор артефактов:

– мужские захоронения (I и II группы) отражают совмещение военных, управленческих и жреческих обязанностей. Их безусловными маркерами выступают пышность погребального инвентаря, присутствие оружия и конского снаряжения (последнее преимущественно в I группе), а также зооморфные украшения либо молотки-топоры, лишённые боевых качеств и нередко украшенные солярными знаками;

– женские захоронения (больше всего относящиеся ко II группе, но не сопровождающиеся военным инвентарем) указывают на сосредоточенность на врачевательных и шаманских практиках. Они выделяются богатым набором инвентаря, главным маркером которого служат зооморфные украшения в сочетании с амулетами, раковинами каури и иными предметами культового значения.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Нижне-Чегемский могильник (1959 г.)

В погребении № 1 могильника под глиной оказался неполный костяк: нижняя часть скелета провалилась в обрыв и унесена потоком [1, с. 25]. Погребальный инвентарь довольно богат и состоит из следующего:

- 1) скифский железный меч;
- 2) железный боевой топор;
- 3) бронзовые щипчики;
- 4) каменный оселок;
- 5) четыре скифских наконечника стрел;
- 6) бронзовый амулет с функцией привески;
- 7) гривна и железная удила;
- 8) часть бронзовой цепочки.

Амулет с головой барана, несомненно, представлял специфику сакральной традиции, олицетворяя средний мир по древу жизни. В.И. Козенкова отмечает религиозный и мировоззренческий характер изображения барана для центрального варианта кобанской культуры [9, с. 40]. Бронзовые топоры в кобанской археологической культуре не только имели военное предназначение, но и являлись неким атрибутом состоятельности человека. Совокупность погребального инвентаря позволяет отнести погребенного к прослойке воинов-жрецов, входящих в I группу кобанского общества – конной аристократии.

Могильник «Мебельная фабрика» (1958–1959 гг.)

Могильник раскапывался в 1958–1959 гг. А.П. Руничем и Н.Н. Михайловым. Большая часть могил Мебельной фабрики относится к предскифскому времени (второй этап развития кобанской культуры, IX–VIII век до н. э.) [3, с. 34].

Погребение № 14 данного могильника является одним из самых выразительных по погребальному инвентарю. В неглубокой грунтовой яме в скорченном положении, на правом боку лежал скелет мужчины. Покойника сопровождал отличный набор воинского снаряжения. Кроме секиры-скипетра, тут были найдены: биметаллический кинжал с округлым навершием и гладкой литой рукоятью, два бронзовых двухлопастных втульчатых наконечника стрел, большой оселок и бронзовая сферическая бляха, украшенная солярным изображением, тождественным тому, что имеется на секире.

Данный погребальный инвентарь дает возможность отнести мужчину к касте воинов-жрецов – I группа (конная аристократия). Воины-жрецы были хранителями традиций предков [4, с. 362]. Скипетр-секира, украшенная солярным знаком, как и бронзовая сферическая бляха с солярным изображением, является атрибутами местных жрецов, связанным с культом солнца и огня.

Могильник Индустрия – 1 (1971 г.)

В 1971 г. в 3 км Южнее Кисловодска, на левом берегу р. Кабардинка обнажились при посадке деревьев восемь каменных ящиков. Каменные ящики, открытые в 1971 г., находились на глубине 20–30 см от поверхности земли и большей частью были ограблены еще в древности.

Одним из богатейших, в плане погребального инвентаря, является погребение № 7.

Оно совершено в каменном ящике асимметрично прямоугольной формы, ориентированном длинными сторонами с запада на восток. Конструкция стенок комбинированная: нижняя часть сложена из плит, поставленных на ребро; верхняя часть северной, южной и западной стенок дополнена двумя рядами плиток, уложенных плашмя. Южная стенка ящика сооружена небрежно. В отличие от других могил дно ящика было плотно утрамбовано. Сохранность скелета плохая. По остаткам черепа, костей рук и ног видно, что погребенный лежал скорчившись на левом боку, головой на запад. Руки согнуты в локтях перед грудью. Около головы сохранились украшения головного убора; вокруг черепа прослежен ряд бронзовых незамкнутых колечек-скобочек; около висков лежали по бронзовой выпукло-вогнутой бляхе и по две бронзовых трубочки-накосницы. В области шеи находились массивная бронзовая гривна и россыпь ожерелья из 85 бус и бронзовых фигурных привесок-амулетов. Здесь же обнаружены две бронзовые пуговицы. У северной стенки могилы около колен стоял грубой формовки горшок, украшенный «ногтевыми»

вдавливаниями, а западнее его, у локтей, – черноглиняный круглодонный кубок [2, с. 173].

Несомненно, оригинальные бронзовые зооморфные и антропоморфные привески ожерелья погр. 7, отражающие идеологические представления этнической группы, относят женщину к жреческой знати кобанского общества.

В первую очередь необходимо упомянуть уникальную антропоморфную фигурку с примитивно моделированным лицом, столбиком-туловищем и выступающими руками. Кроме того, в ожерелье имеются две бронзовые птички с рогатыми звериными головками и треугольными хвостами. Оригинальна литая привеска в виде клыка хищника. В ожерелье находится своеобразный колокольчик конусовидной формы с круглой петлей и закрытым, слегка выпуклым основанием.

Изображения птиц, в частности две зооморфные подвески, относились к солярному культу и являлись символом Верхнего мира. Так считает исследовательница кобанской археологической культуры В.И. Козенкова [9, с. 24]. Пара птичек из данного погребения носили в себе явно сакрально-культовый колорит. Как указывают Я.Б. Березин и С.Л. Дударев, птицы «символизируют небо-верх» [6, с. 184]. М.Н. Погребова подтверждает вывод о том, что птички имеют связь с деревом жизни и являются символом солнца и луны [12, с. 115]. В итоге богатый погребальный инвентарь и характерные жреческие атрибуты, несомненно, относят женщину-жрицу ко II группе кобанского общества «пешей знати» (без военного инвентаря).

Могильник «Лермонтовская скала» (1982 г.)

В каменном ящике № 2 было совершенно индивидуальное захоронение. В состав погребального инвентаря входили: глиняный горшок, орнаментированный насечками по краю венчика; две глиняные миски; глиняный лепной стакан; керамическое пряслице; четыре бронзовых браслета с несомкнутыми концами; четыре ромбические бляшки; богатый набор бус; 15 раковин каури; ожерелье из 70 кусочков янтаря; железные черешковые ножи; фрагменты железного шила; кусок серого кремня и двойная цепь с привесками [6, с. 168].

Женщина занималась отправлением «шаманских функций». Как указывают исследователи Я.Б. Березин и С.Л. Дударев – личины могли быть не только изображением божеств, но и обожествляемых предков. Найденные раковины каури исследователи относят к числу атрибутов плодородия. В.И. Козенкова связывала каури с лечебной магией и охраной детей от всевозможных дурных воздействий [9, с. 53]. Подтверждая мысли В.И. Козенковой, нужно отметить, что раковины каури являются характерным погребальным инвентарем для детских погребений кобанской археологической культуры. Бронзовая цепь, по мнению Я.Б. Березина и С.Л. Дударева, использовалась как амулет аграрного культа. На это указывают использовавшиеся

в ее убранстве привески с «очковидно-двуспиральной» схемой [6, с. 183]. Таким образом, женщина из данного погребения относилась к элите кобанского общества – II группе «пешей знати» (без военного инвентаря) и обладала шаманскими функциями.

Могильник Нарзанный 2 (2010 г.)

Погребение № 1 могильника Нарзанный 2 дает интересный, богатый погребальный инвентарь. Погребение представляло собой каменный ящик. Он имел в плане близкую к квадратной форму, внутренние размеры по центральным осям составляли 1,47 × 1,18 м.

Погребение одиночное, скелет плохой сохранности. Относительно хорошо сохранились только череп и длинные кости конечностей. Остальные кости были представлены фрагментами или тленом. Поза погребенного реконструируется как скорченная на правом боку, головой на северо-восток. Степень скорченности можно оценить как сильную. Череп со своего анатомического места, скорее всего, был сдвинут. На момент расчистки он лежал на основании, теменной частью вверх, лицевой – на северо-запад. Руки были положены перед грудью и согнуты в локтях под острым углом, так что кисти должны были находиться перед лицом погребенного. Ноги сильно согнуты в коленях, бедренные и берцовые кости располагались практически параллельно друг другу. Каких-либо тленов или пигментов в захоронении не зафиксировано [5, с. 11].

Погребальный инвентарь разнообразен и включает в себя:

- 1) керамическую корчагу;
- 2) керамическую миску;
- 3) керамический кубок;
- 4) бронзовую пектораль;
- 5) бронзовый шлем;
- 6) бронзовые удила и псалий;
- 7) наконечник копья и наконечники стрел;
- 8) оселок каменный;
- 9) бронзовые бляшки;
- 10) ворворку и наконечник ремня;
- 11) железные пластинки;
- 12) железный молоток-скипетр;
- 13) биметаллический кинжал и височную подвеску.

Столь богатый инвентарь предметов вооружения и молотка-скипетра дает нам возможность отнести погребенного к высшему слою кобанского общества – воинам-жрецам, выполняющим идеологические и военные функции, состоящим в I социальной группе – конной аристократии (рис. 1).

Могильник Клин-Яр 3 (1991 г.)

Грунтовая могильная яма (погребение 300) подпрямоугольной формы с закругленными углами и заплечиками, размерами 1,60 × 1,50 см, находилась под каменным закладом из крупных плит ракушечника. Костяк лежал в скорченном положении на правом боку головой на юго-юго-запад. Вплотную к восточной стенке погребения, напротив черепа

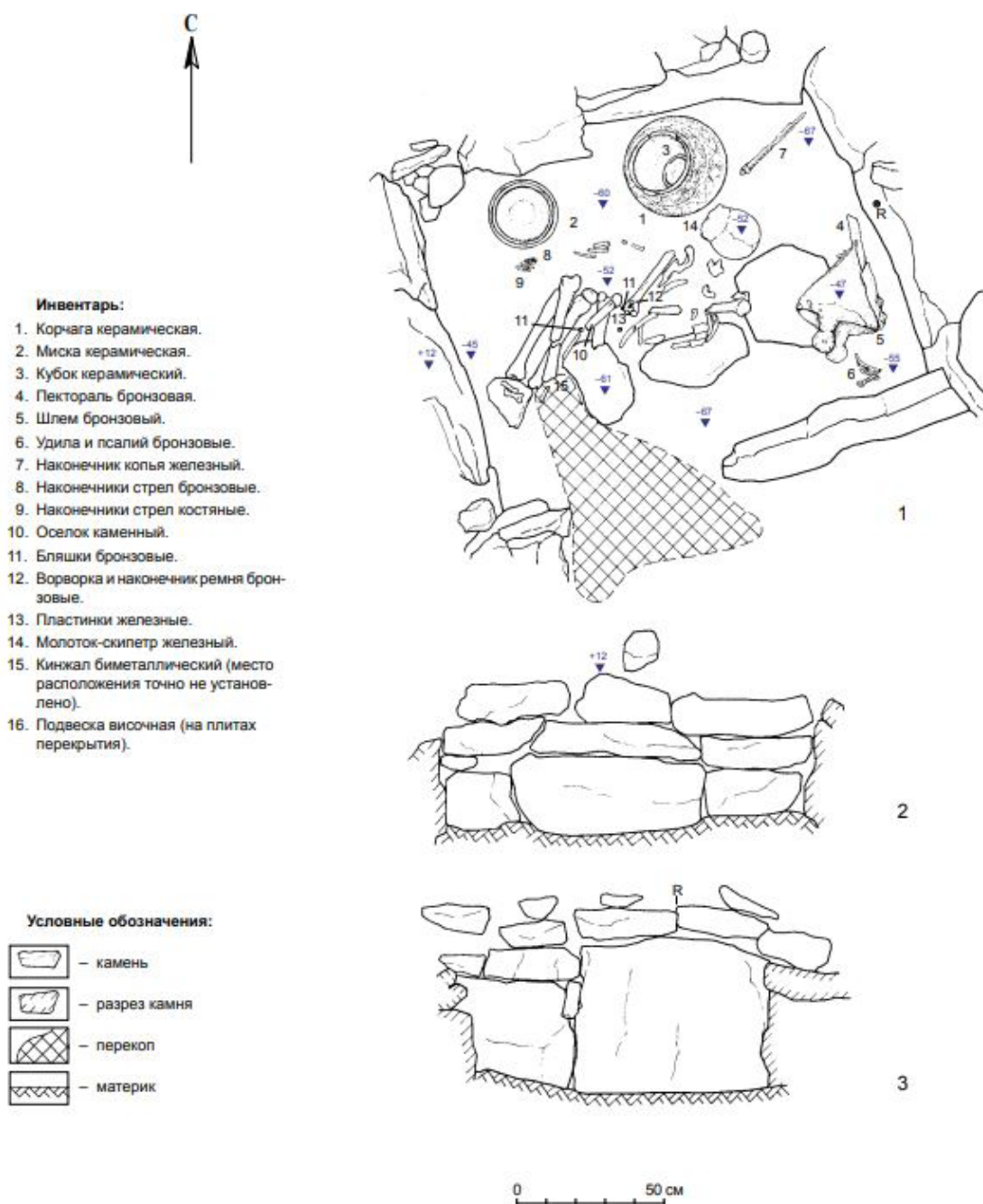

Рис. 1. Нарзанный 2, погребение 1:

1 — план погребения; 2 — фасировка западной стенки; 3 — фасировка восточной стенки [5]

умершего, обнаружен железный наконечник копья с небольшим пером листовидной формы, выраженным ребром жесткости и раскрытой втулкой [4, с. 176].

Между наконечником копья и черепом погребенного находилась лепная ребристая миска с чашеобразным туловом, слабо выраженной шейкой и отогнутым венчиком. В области живота, под локтевым сгибом левой руки, лежал оселок, изготовленный из твердой породы камня. Рядом с отверстием в верхней части на боковых гранях сделаны проточ-

ки, придающие предмету черты иттифалличности.

Рядом с оселком найден предмет в виде льячки из плохо обожженной глины, грубой выделки. За спиной погребенного обнаружена литая бронзовая ворворка сложной формы. Справа под тазом обнаружен бронзовый литой молоток-жезл. Под молотком зафиксирован органический тлен темно-коричневого цвета толщиной около 1 мм.

Особо необходимо остановиться на оселке, имевшем фаллообразную форму. По взглядам А.Б. Белинского и С.Л. Дударева, фаллический оселок

является отражением фаллического культа, существовавшего на Кавказе уже с эпохи бронзы [4, с. 313].

Бронзовый молоток-скипетр является одним из ценных материалов бронзового века на Северном Кавказе. Центральная часть предмета имеет форму параллелепипеда с овальной проушиной. На боковых гранях проушной части – углубленный орнамент в виде четырехугольной звездочки. К центральной части симметрично примыкают конические выступы со сферической поверхностью.

Все эти материалы, явно несущие сакраментальный характер, являются атрибутикой местных воинов-жрецов – I группа (конная аристократия), выполнявших идеологические функции и относящихся к высшим слоям кобанского общества.

Помимо вышеуказанных находок, на территории Кабардино-Балкарии известны и новые открытия погребений с характерным для жреческой знати инвентарем. Из новейших раскопок, проводимых на территории западного ареала кобанской археологической культуры, нужно отметить могильник Верхний Куркужин.

Верхний Куркужин (2018 г.).

Исследование памятника производилось Северокавказской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством Ю.В. Марченко в 2016–2022 гг. Всего за период раскопок было изучено 96 погребений [11, с. 68].

Погребение № 67, несомненно, относится к I группе захоронений конной знати. Данная могила раскапывалась при участии автора статьи. Погребальная конструкция представляла собой прямоугольный каменный ящик 2,1 x 2,2 м, разделенный на две камеры. Сохранились три стенки и внутренняя перегородка, все из массивных плит. Восточная стенка, вероятно, была разрушена грабителями, вместе с перекрывавшими ее плитами. Разделительная перегородка размером 1,0 x 0,5 x 0,2 м была заглублена в материк на 0,1 м. В северной камере погребения были найдены костные останки мужчины 25–35 лет, захороненного в скорченном положении на левом боку. Возле пояса, справа от скелета, располагалась орнаментированная миска. Под бедренной костью лежал акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием. Рядом с перегородкой между камерами, в районе предплечья погребенного, был найден железный нож со слегка изогнутой спинкой. В южной камере находился скелет лошади, однако ее череп отсутствовал – вероятно, это последствие разграбления, как и выемка плиты перекрытия и стенки ящика в этой части. Несмотря на это, остальной скелет лошади сохранился *in situ*, что позволило установить

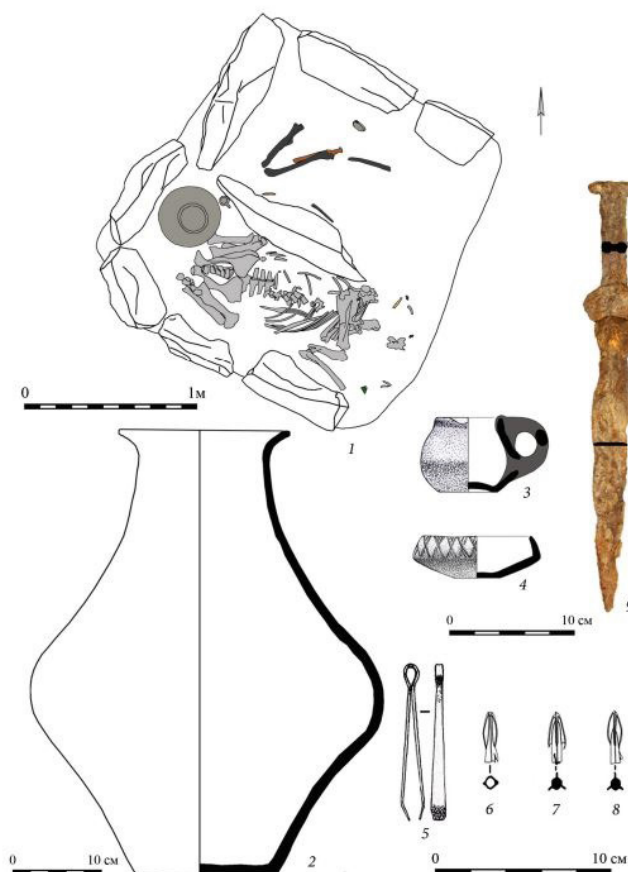

Рис. 2. Могильник Верхний Куркужин. Погребение № 67:

1 – план погребения; 2 – корчага; 3 – кубок; 4 – ритуальная миска; 5 – бронзовый пинцет; 6–8 – бронзовые наконечники стрел; 9 – акинак [11]

позу животного: оно лежало на животе с подогнутыми ногами. Здесь же обнаружены три бронзовых наконечника стрел. Ряд с тремя наконечниками стрел дополнял костяной псалий, оформленный окончанием в виде стилизованного копыта. В юго-восточном углу южной камеры, у передних ног лошади, находилась бронзовая зооморфная (оленивидная) бляшка. У западной стенки ящика были сосредоточены керамические сосуды: корчага, кубок и кружка (рис. 2). С большой уверенностью можно говорить, что этот мужчина принадлежал к высшему слою западнокобанского общества – конной аристократии (I группа) и, вероятно, являлся предводителем рода. Помимо военных и управленческих обязанностей, он выполнял жреческие функции. На это, в частности, указывает найденная вместе с ним бронзовая бляшка в виде оленя, животного, олицетворявшего средний мир в представлениях древних кобанцев.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ погребальных комплексов западного ареала кобанской культуры позволил существенно уточнить критерии выделения жреческой прослойки в социальной структуре местного общества раннего железного века. Установлено,

что ключевым маркером высокого сакрального статуса выступают зооморфные украшения и амулеты, семантика которых устойчиво связана с трехчастной картиной мира. Изображения птиц последовательно символизируют верхний, небесный ярус, тогда как образы барана или оленя соотносятся со средним миром. Подобная регламентация инвентаря свидетельствует о сложившейся системе религиозных представлений.

Рассмотрение конкретных погребений показывает, что носители жреческих функций не образовывали замкнутой касты, а были интегрированы в состав высших социальных групп (конной аристократии и пешей знати). Мужские погребения

с оружием (конским снаряжением для I группы – конной аристократии), содержащие зооморфные украшения или молотки-топоры (символ власти), указывают на совмещение военно-управленческих и культовых обязанностей. Женские захоронения с богатым набором амулетов, нашивок и ожерелий отражают практику шаманских ритуалов, связанных с аграрными культами и переходом душ. Материалы новейших раскопок подтверждают обоснованность пересмотра прежних стереотипов, сформированных на ограниченной источниковой базе, и открывают перспективы для дальнейшего изучения внутренней дифференциации западнокобанских племен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Акритас П.Г. Отчет об Археологических исследованиях Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской АССР в 1959 г. Ф. 21. Оп. 1. Д. 6.
2. Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска // Советская Археология. Вып. № 2. – М.: Наука, 1981. С. 161–177.
3. Виноградов В.Б., Рунич А.П., Михайлов Н.Н. Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья // Археолого-этнографический сборник. Т. IV. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1976. С. 29–63.
4. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клинь-Яр III. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. 446 с.
5. Белинский А.Б., Дударев С.Л. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. – М.: Памятники исторической мысли, 2014. С. 9–44.
6. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Могильник Лермонтовская скала – памятник раннего железного века Пятигорья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. I. – Ставрополь: Наследия, 1998. С. 167–209.
7. Дударев С.Л., Белинский А.Б. Об опыте социального ранжирования мужских погребений предскифской эпохи могильника Клинь-Яр III // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. – М.: Илеска, 2011. С. 72–84.
8. Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. – М.: Академия наук СССР, 1982. 177 с.
9. Козенкова В.И. Специфика духовного мира кобанских племен. – М.: ИА РАН, 2017. 114 с.
10. Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М.: Институт Археологии АН СССР, 1960. 520 с.
11. Маслов В.Е., Котин М.А., Марченко Ю.В. Корчага и ее место в погребениях могильников Верхний Куркужин и Ново-заведенное II // Открытия и успехи кавказской археологии. – М.-Нальчик: ИА РАН, 2024. С. 65–95.
12. Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. – М.: Наука, 1984. 248 с.

REFERENCES

1. Archive of the Institute for Humanitarian Research, a branch of the Federal Scientific Center "Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences." Akritas, P.G. Report on Archaeological Research of the Chegem Gorge of the Kabardino-Balkarian ASSR in 1959. F. 21. Op. 1. D. 6.
2. Afanasyev, G.E., Kozenkova, V.I. On Unknown Burial Complexes of the Pre-Scythian Period from the Environs of Kislovodsk // Soviet Archaeology. - Issue 2. - Moscow: Nauka, 1981. - Pp. 161-177.
3. Vinogradov, V.B., Runich, A.P., Mikhailov, N.N. New Information on the Koban Culture of the Central Ciscaucasia // Archaeological and Ethnographic Collection. - Vol. IV. - Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1976. - Pp. 29-63.
4. Belinsky A.B., Dudarev S.L. Klin-Yar III Burial Ground. – Stavropol: Design Studio B, 2015. – 446 p.
5. Belinsky A.B., Dudarev S.L. A Rich Burial with an Assyrian-Type Helmet from the Narzanny-2 Burial Ground // Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. – Issue XI. – Moscow: Monuments of Historical Thought, 2014. – Pp. 9-44.
6. Berezin Ya.B., Dudarev S.L. Lermontov Rock Burial Ground – an Early Iron Age Monument in Pyatigorsk // Materials for the Study of the Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. – Issue I. – Stavropol: Naslediya, 1998. – P. 167–209.
7. Dudarev S.L., Belinsky A.B. On the Experience of Social Ranking of Male Burials of the Pre-Scythian Era at the Klin-Yar III Cemetery // Collection of Scientific Works by Sergei Leonidovich Dudarev: Articles, Materials, Reviews. On the 60th Anniversary of His Birth. – Moscow: Ileska, 2011. – P. 72–84.
8. Kozenkova V.I. Typology and Chronological Classification of Objects of the Koban Culture: Eastern Variant. – Moscow: USSR Academy of Sciences, 1982. – 177 p.
9. Kozenkova V.I. Specific Features of the Spiritual World of the Koban Tribes. – Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2017. – 114 p.
10. Krupnov E.I. Ancient history of the North Caucasus. Moscow: Institute of Archaeology, USSR Academy of Sciences, 1960, 520 p.
11. Maslov V.E., Kotin M.A., Marchenko Yu.V. Korchaga and its place in the burials of the Verkhniy Kurkuzhin and Novozavednoye II cemeteries // Discoveries and achievements of Caucasian archeology. Moscow-Nalchik: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 65–95.
12. Pogrebova M.N. Transcaucasia and its connections with Western Asia in Scythian times. Moscow: Nauka, 1984, 248 p.